

Живет в Нюрнберге (Германия).

ИГРУШКИ

Кукла

Я учила её ходить, говорить, улыбаться в любое время.
Я растила себе дублёра – любимую гейшу в твоём гареме.
Поправляла причёску, оттачивала жесты,
а потом пригляделась и ахнула – совершенство!

Невозможно поверить – но она оказалась впору.
Я носила её, как костюм, если тянуло забиться в нору.
Под кокетливый смех погружалась в густое чрево
и сворачивалась клубком под ребром безотказной Евы.

Мир погиб с первым звоном упавшей в окно тарелки
(то ли схемы сгорели – то ли кончились батарейки).
С той поры как будто и впрямь закатилось солнце:
ты всё смотришь в глаза и ждёшь, что она вернётся.

Без неё нам обоим сегодня совсем уж худо.
Я не стану такой – не тяну, не хочу, не буду...
Но сжимаешь в тисках, паладин бесконечной грусти,
и никак, никак меня не отпустишь.

Некромант

Нынче не в моде герой-романтик,
рыцарь блистательной Дульсинеи.
Мальчик становится некромантом,
мальчик уверен: они сильнее.

Чуткое сердце оттрепыхалось –
сморщилось жёлтым мешком из воска.
Мальчик восторженно сеет хаос,
что прорастает несметным войском.

С мощью такой, при таком апломбе
что ему рамки любых приличий...
В первых рядах маршируют зомби,
спину ему прикрывают личи.

Сколько тайком ни шепчи молитвы,
сколько народ ни сгоняй под знамя –
мальчик хитёр: после каждой битвы
он обзаводится упырями.

Свет застывает в небесной тверди.
Взоры создателя стекленеют.
Мальчик смеётся: чем больше смерти –
тем он сильнее.

Чёрная овечка

Заслонила солнце чёрная овечка,
Чёрная овечка шла на водопой.

Проходила мимо, погасила свечку
И тебя случайно увела с собой.

Стало тихо-тихо – страшно даже вздрогнуть.
Только сердца гулкий неуместный стук.
Глупая овечка. Чёрная дорога.
Нет на небе бога. Ты теперь пастух.

Ты сидишь и гладишь смоляную шёрстку,
Ждёшь меня на самом дальнем берегу.
Я лежу свернувшись на постели жёсткой.
Ни дышать, ни плакать больше не могу.

[Страница автора в сети](#)

